

А. Норди

ТЫ
ВСЕГДА
В МОИХ
МЫСЛЯХ

ОН ВЕРНЕТСЯ ЗА НЕЙ,
ЧТОБЫ ЗАВЕРШИТЬ НАЧАТОЕ

16+

А. Норди

Ты всегда в моих мыслях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68283008

SelfPub; 2022

Аннотация

Двадцать лет назад Кристина выжила после того, как ее похитил серийный убийца. Она думала, что кошмар остался позади, но случайно услышанная по радио песня напоминает ей о последних словах похитителя, который покончил жизнь самоубийством: «Мы встретимся снова, ведь ты всегда в моих мыслях». Вскоре Кристина с ужасом понимает, что маньяк сдержал свое предсмертное обещание: он вернулся за ней, чтобы завершить начатое. Рассказ вошел в шорт-лист конкурса страшных историй ЛитРес «В одном черном-черном городе...»

А. Норди

Ты всегда в моих мыслях

Пальцы привычно сжимали пряди, ножницы срезали кончики волос: Кристина стригла клиента, когда по радио раздался бодрый голос диджея:

– А сейчас в нашем эфире программа по заявкам! И первый музыкальный привет прозвучит для мастера парикмахерской «Магия» – прекрасной Кристины! Слушатель с загадочным ником Чародей просит передать для нее следующее: «Мы встретимся снова, ведь ты всегда в моих мыслях». И пока Кристина ждет встречи с Чародеем, мы слушаем композицию Элвиса Пресли «Always On My Mind»!

Радиоэфир наполнили мягкие звуки ретро-мелодии из шестидесятых и бархатный голос Элвиса. У Кристины подкосились ноги, ножницы в руках дрогнули.

– Кристина, ты слышала?! – воскликнула Вера, подстригавшая в соседнем кресле тучного мужчину с пышными усами. – Тебе кто-то песню посвятил! Интересно, что это за Чародей такой?

– Не иначе тайный поклонник, – ухмыльнулся в кресле клиент Кристины – и тут же ойкнул от боли, когда ножницы прихватили кончик его уха.

– Простите. – Кристина дрожащими руками положила на столик ножницы и потянулась за ватой и баночкой с анти-

септиком.

Мысли путались, и в голове эхом гремели зловещие строчки из песни: «Ты всегда в моих мыслях».

* * *

Капитан полиции Валентин Рубикон рассматривал посетительницу, сидевшую напротив него в кабинете. Мозг автоматически фиксировал приметы: возраст – около тридцати пяти лет, бледное лицо с тонкими чертами, короткие темные волосы, одета в джинсы, ботинки и легкую куртку. Женщина сжимала в руках сумочку и растерянно тарасилась на полицейского большими, влажно блестящими глазами.

– Вы по какому поводу? – спросил Рубикон. Его ждали допросы подозреваемых, и он хотел поскорее завершить разговор с неожиданной посетительницей, уговорившей дежурного пропустить ее на беседу к капитану полиции.

– Меня зовут Кристина Атрус, – торопливо произнесла женщина. – И мне нужно поговорить с Константином Рубиконом. Он вел мое дело несколько лет назад.

– Его нет. Он на пенсии. – Валентин Рубикон нахмурился, услышав имя отца. – Но вы можете рассказать обо всем мне, если это займет не слишком много времени. – Он взглянул на часы. – У меня еще дела остались.

Кристина напряглась, осунулась. словно переборов внутреннее сопротивление, она сдавленным голосом начала свой

рассказ:

– Двадцать лет назад меня похитил серийный убийца. Маньяк. Полиция и пресса прозвали его Чародеем: он вырезал на телах жертв оккультные символы – *сигилы*. Наверное, вы знаете об этих убийства, о них тогда весь город говорил.

Рубикон кивнул. В то время ему было тринадцать лет, но он помнил, как его отец, капитан полиции Константин Рубикон, дни и ночи пропадал на работе, выслеживая Чародея.

– Он похитил меня, когда я возвращалась со школьного бала, – с отстраненным видом продолжала Кристина, будто события прошлых лет касались не ее, а кого-то другого. – Держал в подвале. Опаивал какими-то зельями. Вырезал на мне знаки. – Она закатала рукава куртки и продемонстрировала уродливые шрамы на коже – переплетенные геометрические фигуры и странные угловатые символы, напоминавшие древнескандинавские руны, от вида которых Рубикон непроизвольно поморщился. – Чародей целыми днями крутил одну и ту же песню – «Always On My Mind» Элвиса Пресли. Меня до сих пор выворачивает, когда я ее слышу. Однажды он спустился в подвал и пообещал, что мы когда-нибудь вновь увидимся, потому что я всегда в его мыслях. А потом он ушел.

Кристина замолчала. Губы ее дрожали, на глазах блестели слезы: слова давались ей с трудом. Рубикон в общих чертах знал, чем закончилось дело, и продолжил за нее:

– Оперативная группа нашла вас в подвале в загородном

доме Чародея. И его тоже нашли: он повесился на чердаке.

Кристина судорожно вздохнула:

– Но он жив и вернулся за мной.

* * *

В парикмахерской было тихо. Вера ушла час назад, торопясь домой к мужу и детям. А Кристина осталась, спешить ей было некуда: ее никто не ждал. Отпустив последнего клиента, она подметала срезанные волосы на полу. И думала о том, какой же дурой и паникершой выставила себя перед капитаном полиции.

Молодого полицейского звали Валентин Рубикон, и Кристина без труда догадалась, что он был сыном Константина Рубикона, который двадцать лет назад выслеживал Чародея. Именно он вместе с оперативной группой вызволил ее из подвала, пока труп маньяка болтался на веревке под чердачным потолком.

Валентин Рубикон походил на отца: то же волевое лицо, пронизательный взгляд, нахмуренные брови. Но, в отличие от Рубикона-старшего, молодой полицейский показался Кристине несколько отстраненным.

Он с равнодушным видом выслушал рассказ о том, как недавно Кристина стала ощущать чье-то присутствие за спиной – на улице, в магазине или в транспорте. Словно кто-то за ней следил. Подобные чувства посещали ее и раньше (по-

сле плена она так и не смогла до конца восстановиться), но в последние дни тревога усилилась. Окончательно ее вывел из равновесия музыкальный привет по радио. Она надеялась поговорить с Константином Рубиконом, чтобы попросить у него помощи – он был единственным человеком, который бы ей поверил. Но, по словам его сына, старый полицейский давно отошел от дел.

Похоже, рассказ Кристины не впечатлил Рубикона-младшего. Он списал ее ощущения на повышенную нервную возбудимость, а сообщение на радио посчитал обыкновенным совпадением. Посоветовав в случае чего вызвать полицию, он все так же равнодушно, хоть и вежливо, выпроводил ее из кабинета.

Кристина горько усмехнулась: на что она рассчитывала? Неужели она правда думала, что полицейский ей поверит и тут же кинется на поиски *мертвого* маньяка, о котором все давно забыли?

Она собрала состриженные волосы в совок и, развернувшись к мусорному ведру, застыла на месте: в кресле спиной к Кристине сидел посетитель. Увлеченная уборкой и размышлениями, она не заметила, как он зашел в парикмахерскую. В зеркале отражалось его лицо, но Кристина не успела его рассмотреть: ее взгляд приковали глаза мужчины. Черные, острые, злые – это были глаза Чародея, которые она запомнила на всю жизнь.

– Не ожидал, – вместо приветствия проворчал отец, когда Валентин Рубикон приехал в его конуру на окраине города.

Они мало общались, виделись два-три раза в год – обычно в те дни, когда отцу становилось плохо, и его нужно было вновь уговорить лечь в больницу. Он бросил семью семнадцать лет назад – ушел к другой женщине, и Рубикон так и не смог его простить.

Старик выкуривал по две пачки в день, и его здоровье ухудшалось с каждым годом: никотин выжигал сосуды, канцерогены разъедали легкие. Он с трудом передвигался, задыхаясь от приступов кашля и тяжелой одышки. С того момента, как они виделись в последний раз (Рубикон не смог вспомнить, когда это было: в прошлом году?), отец сильно похудел и напоминал скорее высохшую мумию, чем живого человека.

Опираясь на трость, старик прохромал в комнату, заваленную хламом. Воздух, пропитанный сигаретным дымом, щекотал ноздри. На кухне гремели кастрюли и что-то скворчало: там хозяйничала Арина, вторая жена отца, но Рубикон не стал с ней здороваться – для него она не существовала. Он хорошо помнил слезы матери и младшей сестры, когда отец собирал вещи в чемодан, чтобы уйти к любовнице.

– Чего такой хмурый? – спросил старик, медленно усаживаясь на потертый диван. Недовольно мяукнув, с него соско-

чил драный кот. Рубикон даже не знал, какая кличка была у зверюги. Он устроился в кресле и внимательно посмотрел на отца.

– Позавчера ко мне обратилась молодая женщина по имени Кристина Атрус, – начал он. – Ты должен ее помнить.

Взгляд старика на мгновение затуманился: воспоминания прошлого захватили его мысли.

– Последняя жертва Чародея, – медленно проговорил он. – Нам удалось ее спасти.

– Но она снова пропала. – Рубикон откинулся в кресле и сжал подлокотники. – Утром по сводкам я узнал, что ее коллега – мастер из парикмахерской «Магия» – заявила в полицию о том, что Кристина второй день не выходит на работу. На звонки не отвечает, дверь в квартиру не открывает.

– Она живет одна? – удивился отец.

– Получается, что да. Ты не интересовался ее судьбой?

Старик отрицательно покачал головой:

– После того, как мы ее нашли, родители сразу же увезли ее в поселок Ранта – подальше от кошмара, что ей пришлось пережить. Они оборвали все контакты, и я не знаю, как сложилась ее судьба.

– Похоже, в какой-то момент она снова вернулась в город, – сказал Рубикон. – Работает парикмахером.

Покопавшись в карманах заношенных штанов, отец достал пачку «Мальборо» и закурил. Рубикон скривился, но ничего не сказал: ему надоело читать нотации о вреде ку-

рения. Он просто ждал, когда рано или поздно (почему-то он был уверен, что это случится ночью) раздастся звонок от Арины и она сообщит, что его старик откинул копыта.

– Зачем она к тебе приходила? – спросил отец, выпуская сизый дым изо рта.

– Она утверждала, что Чародей жив и преследует ее. Якобы перед своим самоубийством он сказал ей, что они встретятся снова. И все эти годы Кристина подсознательно ждала этого события. Последние дни ей мерещилось, что за ней кто-то наблюдает. А пару дней назад, когда она работала в парикмахерской, некий слушатель, представившийся Чародеем, посвятил ей на радио песню.

– «Always On My Mind»? – с грубым акцентом проговорил отец, заметно помрачнев.

Рубикон кивнул.

– Я уже проверил: заявка на радио поступила с украденного телефона.

– И ты думаешь, что кто-то снова похитил Кристину?

– Пока я ничего не думаю. – Рубикон нахмурился. – У нас нет фактов, подтверждающих похищение Кристины. Мы знаем только, что она второй день не выходит на работу и не отвечает на звонки.

– Но ты все равно считаешь, что *облажался*. – Старик пристально посмотрела на Рубикона, и под взглядом этих серых глаз ему стало неуютно: так отец смотрел на подозреваемых, когда работал полицейским. – Ты не воспринял все-

рьез ее слова. Проигнорировал. И теперь ее жизни угрожает опасность. Чему я тебя учил, Валентин? *Всегда быть внимательным.*

Рубикон промолчал. Его злила правота отца. Он совершил ошибку, отмахнувшись от слов напуганной женщины, и теперь отчаянно хотел все исправить.

– Мне нужны детали, – попросил Рубикон после затянувшийся паузы, наполненной сиплым дыханием отца и сигаретным дымом.

– Ты можешь прочитать обо всем в материалах дела, – проворчал старик.

– Я хочу услышать *твою* версию, – сказал Рубикон и, не удержавшись, съязвил: – В конце концов, кроме убийств других тем для общения у нас все равно не осталось.

Отец затаился, звучно прокашлялся и углубился в воспоминания:

– Первый труп мы нашли в сентябре. Девочка-беспризорница со следами ритуального убийства, выброшенная, словно мусор, в лесополосе. Ее кожа была испещрена оккультными знаками – Чародей вырезал их ножом по живой плоти. Затем, спустя несколько недель, на окраинных пустырях мы обнаружили еще два трупа – опять непризорница и проститутка с трассы. Их тела также были изрезаны загадочными символами. А потом Чародей перешел на старшеклассниц. Первую он похитил за два дня до Нового года.

– Он насиловал их?

Отец скривился, словно вопрос Рубикона пробудил воспоминания, которые он предпочел бы забыть навсегда.

– В некотором смысле, – просипел он. – Тела девчонок были чудовищно изуродованы: на них живого места не осталось от порезов в виде оккультных символов. В том числе на половых органах. Судмедэксперты обнаружили во влагалищах землю вперемешку со спермой. Экспертиза установила, чтобы это была земля с кладбища. Но выяснить, имело ли место само проникновение, патологоанатомам не удалось.

Рубикон содрогнулся, когда представил, через какие мучения прошли несчастные жертвы. Он вспомнил шрамы на руках Кристины.

– А символы? Что они из себя представляли?

Отец пожал плечами:

– Хаотичные сплетения кругов, треугольников и линий вперемешку с буквами неизвестного алфавита, отдаленно напоминавшего древнескандинавские руны. Мы консультировались у историков и криптографов. Они утверждали, что похожие символы, которые называются *сигилами*, можно найти в средневековых манускриптах по оккультизму и черной магии. Подобные надписи встречаются в «Книге Сойга», расшифровать которую до сих пор никому не удалось. Но зачем Чародей их наносил – так и осталось загадкой. В какой-то момент мы обратились за помощью к экстрасенсам, хотя лично я считаю их шарлатанами. Они сказали, что Чародей проводил некий ритуал, но затруднились ответить, в

чем заключался его смысл – ничего подобного они раньше не встречали. Один из экстрасенсов уверял, что Чародей получил доступ к древним знаниям, которые методично воплощал в жизнь – он словно проводил эксперименты. Я же считаю, что он просто был конченным психом.

– Как вы его нашли?

Отец, потемнев лицом, отвел взгляд.

– Наши поиски ничего не дали. Чародей тщательно заметал следы. Но спустя месяц после похищения Кристины в полицию поступил звонок. Человек, представившийся Виктором Лемешем, заявил, что держит девушку в подвале своего загородного дома. Он продиктовал адрес и повесил трубку. Информацию передали нам, и вместе с оперативной группой я выехал к загородному дому. Возле него мы обнаружили старый синий «Опель». Похожая машина была в ориентировке: ее видели недалеко от школы в тот вечер, когда после бала Чародей похитил Кристину. Мы приняли решение штурмовать дом. Когда мы в него проникли, то чуть не оглохли от гремевшей из колонок музыки.

– «Always On My Mind», – догадался Рубикон. Он смутно припоминал этот задушевный хит Элвиса, но у него не было желания его переслушать.

– Да. – Отец кивнул. – По непонятной причине Чародею нравилась эта песня. Мы обнаружили его на чердаке – голый и изрисованный кровавыми символами, он болтался на веревке под потолком. Как удалось потом выяснить, его дей-

ствительно звали Виктор Лемеш. Лысоватый низкорослый мужчина пятидесяти лет, ничего примечательного. Экспертиза установила, что он повесился приблизительно за два часа до нашего прибытия. Сигилы на его коже были нанесены кровью Кристины. Ее мы нашли в подвале. Девчонка была цела, но сильно истощена и напугана. Чародей морил ее голодом, поил зельями, сваренными из Бог весть каких трав. Ее кожа кровоточила от порезов в виде оккультных символов, но, к счастью, они не были смертельными, и Чародей не изуродовал ее лицо, хотя поступал так с другими жертвами. В доме мы нашли колдовские амулеты, огромное количество свечей и зеркал, склянки с настойками, сушеных жаб, змей и крыс. Короче, обстановка напоминала декорации дешевого фильма ужасов. Мы обнаружили литературу по черной магии, а в камине – пепел от сожженных книг. Как установили эксперты, это были старинные манускрипты, но их содержание уничтожил огонь. Скорее всего, это были труды по черной магии.

– Почему Лемеш сообщил полиции, где найти Кристину?

– Для меня это до сих пор загадка. – Отец развел руками. –

Думаю, у него просто поехала крыша.

– Кем он был?

– Ничтожеством. – Старик ухмыльнулся. – Его воспитывала мать, сутками пропадавшая на фабрике. Отец неизвестен. Лемеш звезд с неба не хватал: кое-как окончил школу, отучился год на медбрата, но его отчислили за неуспевае-

мость. Правда, он успел нахвататься примитивных знаний по хирургии. Лемеш вел тихое неприметное существование. От умершей матери ему достались квартира и загородный дом. По официальной версии мать покончила с собой, хотя что-то мне подсказывает, что не все так чисто с ее смертью. Лемеш работал санитаром в больнице. Семью не завел, с женщинами встречался редко. Похоже, в какой-то момент он заинтересовался колдовством и прочей чертовщиной. Иногда проводил сеансы черной магии: привороты, порча, сглаз. В основном к нему обращались обиженные жизнью женщины недалекого ума. Некоторые из них потом признались, что он склонял их к сексу, но у него ничего не получалось – похоже, Лемеш был импотентом. И однажды его окончательно пере-клинило.

– Почему он похищал девушек?

– Кто же знает? – Отец закурил вторую сигарету и продолжил: – Он мертв, и мы можем только догадываться о его мотивах. Кристина – единственная выжившая жертва – не смогла рассказать ничего конкретного. Он просто держал ее в подвале, заставлял пить дурманящие отвары. Большую часть времени она провела в бессознательном состоянии, приходя в себя от боли, когда Чародей вырезал сцигалы на ее коже. Я думаю, он проводил какой-то ритуал, и все его жертвы были подопытными кроликами.

– Почему он покончил с собой?

Отец на мгновение задумался: он посмотрел в окно, по-

жевал губу. Затянувшись, выпустил дым.

– Вскрытие установило, что у него был рак желудка в терминальной стадии. Множественные метастазы. Возможно, он понимал, что жить ему в любом случае осталось недолго.

– У него мог быть сообщник?

– Нет. – Отец покачал головой. – В доме мы обнаружили отпечатки пальцев только Виктора Лемеша. Кристина не упоминала о присутствии кого-то другого. У нас ни разу не возникло сомнений в виновности Лемеша.

– Тогда кто мог оставить сообщение на радио? Кристина утверждает, что она никому не говорила о последних словах Чародея – о том, что они встретятся снова.

Отец затаился и, выдохнув сизый дым, раздавил окурок в переполненной пепельнице.

– Вот это тебе и предстоит выяснить, Валентин, – тихо сказал он. – Как бы то ни было, у Чародея есть железное алиби.

– Алиби мертвеца. – Рубикон поднялся и, кивнув на прощание, вышел из комнаты.

* * *

Холод обжигал тело: Кристина лежала на земляном полу, и тьма обволакивала ее, будто околоплодные воды в матке чудовища. Она не помнила, когда пришла в себя. Просто очнулась – и вокруг была чернота. Сколько времени она про-

была без сознания? Сутки? Двое?

Живот сводило от голода, глотку обжигало от жажды: как и двадцать лет назад, похититель доводил ее до полного истощения. Когда он набросился на нее в парикмахерской, Кристина не успела его рассмотреть, но несколько не сомневалась – это был Чародей. Она каждый день вспоминала его прощальные слова: «Мы встретимся снова, ведь ты всегда в моих мыслях». Знала, что рано или поздно он за ней вернется. И этот час настал.

Кристина прикрыла глаза, пытаясь восстановить недавние события. Память зафиксировала резкий рывок человека в парикмахерской. Одной рукой он схватил ее за шею, а другой – приложил к лицу тряпку с дурмящим запахом трав. Кристина сделала судорожный вдох – и потеряла сознание.

Она вспомнила, как Чародей похитил ее двадцать лет назад. Она возвращалась вечером после школьного бала по закоулкам родного квартала – хотела срезать путь. Сзади раздались быстрые шаги. Когда Кристина обернулась, в тусклом свете фонарей она увидела невысокого мужчину с залысынами. Ничего другого рассмотреть она не успела: мужчина схватил ее за горло и приложил к лицу тряпку, пропитанную усыпляющим настоем. Очнулась она в подвале...

Кристина попробовала пошевелиться. Туго затянутые веревки связывали лодыжки и руки, заведенные за спину. Мышцы сводило судорогой от долгого нахождения в одной позе. Она перекатилась на спину – и отчаянно закричала.

Слезы катились по щекам, горло саднило от вопля. Она знала: ее никто не услышит.

Истощенный крик заглушала гремевшая за стенами темницы песня Элвиса Пресли со зловещими словами: *«Ты всегда в моих мыслях, всегда в моих мыслях...»*

* * *

– Кристина немного замкнутая, – сообщила Вера Когут, мастер мужского зала парикмахерской «Магия», когда Рубикон приехал с ней побеседовать. – Она ни с кем особо не общается, кроме как со мной.

– Вас можно назвать подругами? – Рубикон внимательно следил за реакцией пухленькой парикмахерши.

Они устроились в тесной комнатухе, в которой сотрудницы парикмахерской обедали и пили чай в перерывах. На столе сгрудились чашки и открытая коробочка с печеньями. Вера предложила полицейскому напиток, но он отказался.

– Да, мы близкие подруги, – сказала парикмахерша после небольшой паузы. – Кристина о многом со мной делится. Она живет в городе одна, квартиру снимает. Отец у нее умер, мать осталась в поселке, но Кристина с ней не общается.

– Почему?

Вера пожала плечами.

– Мать у нее слишком религиозная, все время читала ей нотации. Кристине это надоело, и лет пять назад она верну-

лась в город. Вы же знаете, что она здесь родилась и выросла?

Рубикон кивнул и поспешил задать следующий вопрос: он не любил, когда собеседник перехватывал инициативу в разговоре.

– Кристина встречалась с мужчинами?

– Нет. – Вера, состроив грустную мину, покачала головой. – Я же сказала, что она немного нелюдимая. Но после всего, что с ней случилось, это не удивительно. Ей трудно довериться людям, тем более мужикам. Правда, она два года была замужем, но потом развелась.

Рубикон вскинул брови: эта новость его удивила.

– Кем был ее муж?

– Да один местный пьянчуга. Работает грузчиком в супермаркете. Ходил к нам стричься, все время подбивал к Кристине клинья, вот она и сдалась – решила попробовать семейную жизнь.

Вера картинно закатила глаза, давая понять, что замужество подруги ни к чему хорошему не привело.

– Почему они расстались?

– Не сошлись характерами, – с грустной ухмылкой ответила парикмахерша, а затем добавила с многозначительным видом: – Пару раз Кристина приходила на работу с синяками.

Рубикон кивнул: вот и первый подозреваемый появился.

* * *

Рубикон нашел Антона Гребца, бывшего мужа Кристины, в супермаркете недалеко от парикмахерской. Тощий и сутулый, менее всего он походил на человека, способного разгружать фургоны с тяжелыми коробками и ящиками, заполненными товарами.

– Почему вы развелись? – спросил Рубикон, когда Грец с недовольной рожей отвел полицейского в тесную, захлавленную подсобку.

– Она странная какая-то, – скривился Грец. – Хотя поначалу казалась мне интересной. На работе, в парикмахерской, она была приветливой и милой. Но когда мы стали жить вместе, она превратилась в мрачную затворницу. Постоянно плакала по ночам и жила как будто в вечном ожидании чего-то плохого. Иногда истерики устраивала – на тему того, что я ее не понимаю и не поддерживаю.

– Вы же в курсе, что ей пришлось пережить? – Рубикон удивленно посмотрел на грузчика.

– Это было двадцать лет назад! – огрызнулся Грец. – Если ей было так плохо, могла бы к психологу сходить или в церковь. Но мне зачем нервы трепать?!

– Поэтому вы ее били? – Рубикон припечатал Грец взглядом, и тот стушевался.

– Послушайте, я не знаю, что вам наговорила Вера, но я Кристину пальцем не трогал!

Его лицо предательски дернулось, и Рубикон усмехнулся:

за годы работы полицейским он научился видеть врунов насквозь.

– Вы общаетесь с Кристиной?

– Да я ее уже полгода не видел. Стричься хожу в другую парикмахерскую. А в супермаркете она и раньше ничего не покупала. Так, иногда пересекаемся на улице.

– Чем вы занимались два последних дня?

Гребиц изумленно вылупился на Рубикона.

– Постойте, вы что, меня подозреваете? – возмутился он.

– Я задал вопрос. – Рубикон не сводил с грузчика взгляда.

Гребиц насупился и с вызовом ответил:

– Позавчера работал, потом выпивал с приятелем. Вчера снова работал, вечером и ночью зависал с Мариной – продавщицей здесь работает.

– Марина и приятель подтвердят ваши слова?

– Конечно! – Гребиц ухмыльнулся, довольный тем, что у него нашлось алиби. – Вы бы лучше не меня допрашивали, а мать Кристины.

– Почему?

– Эта стерва постоянно изводила Кристину звонками. Просила ее вернуться в поселок. Но Кристина наотрез отказывалась: мать постоянно выносила ей мозги поучениями. После смерти отца Кристина переехала в город и с матерью виделась редко.

– Вы думаете, Кристина могла поехать к ней?

Гребиц пожал плечами.

– Черт ее знает. Говорю же – странная она. Иногда ей казалось, что за ней кто-то следит. Она нож потому и купила.

– Нож?

– Ну да. Складной нож, маленький такой. Прятала его в ботинках. Она даже летом в них ходила. В общем, лечиться ей надо.

* * *

Нож. У нее есть нож.

Мысль об этом вернула Кристине самообладание, вселила в нее уверенность: что бы ни случилось, в этот раз она не будет покорно ждать своей участи. Она всегда знала, что Чародей за ней вернется, и заранее готовилась к этому: после возвращения в город она каждый день прятала складной нож в ботинке, выходя на улицу. Кроме Веры в этом городе не было ни одного человека, которому Кристина могла бы доверять, и нож стал ее верным спутником.

Музыка гремела за стенами темницы. Скоро наступит момент, когда люк наверху распахнется, и в прямоугольнике яркого, обжигающего глаза света появится силуэт Чародея. Так было двадцать лет назад. Так будет сейчас.

Кристина согнула ноги, подтянула их к рукам и нашарила в правом ботинке рукоятку ножа.

* * *

Дорога до поселка Ранта, где жила мать Кристины, заняла полтора часа. Рубикон мог бы связаться с ней по телефону, но он всегда предпочитал личное общение, когда вел расследования.

Анна Атрус жила в старом доме на окраине поселка. Она встретила полицейского с испугом и тревогой в глазах: Рубикон привык к такой реакции людей всякий раз, когда он представлялся и объяснял цель своего визита.

Как он и ожидал, Кристины в квартире не оказалось. Стараясь не напугать ее мать – сухощавую женщину с блеклым лицом и седыми волосами, собранными в пучок, – Рубикон в общих чертах обрисовал ситуацию: Кристина двое суток не выходила на связь, и хотя у полиции не было серьезных оснований считать, что с ней случилось что-то плохое, тем не менее в таких случаях требовалось провести проверку. Именно за этим он и явился – узнать, куда могла бы уехать Кристина. К его удивлению Анна Атрус и бровью не повела, когда он закончил подготовленную речь.

– Я так и знала, что рано или поздно Кристина куда-то исчезнет, – сказала она, разливая кипяток по старым кружкам со сколотыми краями.

Рубикон, пододвинув дымящуюся чашку с пакетиком дешевого чая, вопросительно посмотрел на собеседницу.

– Она не находила себе места, – пояснила Анна Атрус, задумчиво глядя на иконы, развешанные по стенам. – После

всего, что случилось, Кристина сильно изменилась. Замкнулась в себе. Мы переехали в поселок на квартиру моей матери. Надеялись, что в новой обстановке Кристина поскорее забудет о том кошмаре. Но она так и не смогла завести здесь друзей или повстречать хорошего мужчину.

Рубикон, отпивая глотками горячий чай, чувствовал себя неуютно в тесной кухне, погруженной в полумрак: за окном сгущался сумрак, накрапывал дождь, но Анна Атрус не спешила зажигать свет. Лики святых укоризненно смотрели с икон, и Рубикон невольно поежился.

– Почему она уехала из поселка? – спросил он.

Женщина смущенно улыбнулась:

– Она не могла вынести моего присутствия. Пока ее отец был жив, он сглаживал наши ссоры. Но после его смерти все изменилось. Кристина собрала вещи и вернулась в город.

– Почему вы ссорились?

Прикрыв глаза, Анна Атрус тихо сказала:

– Она винила меня.

– За что?

– Я уговорила ее оставить *ребенка*.

Рубикон изумленно посмотрел на собеседницу. Новость поразила его.

– Она была беременна? После... похищения?

Лицо женщины исказила нервная дрожь.

– Мы никому не сказали. Да и Кристина об этом не знала.

Сразу же после того, как ее спасли, мы уехали в поселок. Не

хотели никакого внимания. Мы благодарили Господа Бога за то, что она осталась жива. Но спустя несколько недель выяснилось, что Кристина беременна.

Анна Атрус тяжело вздохнула. Быстро перекрестилась и что-то зашептала под нос. Рубикон дал ей время собраться с мыслями. Наконец, она продолжила:

– Кристина устроила истерику. Она не хотела ребенка. Называла его *выродком*. Собиралась сделать аборт. Но я уговорила оставить малыша. Его отец был дьяволом, но сам ребенок ни в чем не виноват.

– Где он теперь?

– После родов Кристина написала отказ. Мальчика отдали в приют в Луборге. Больше о его судьбе я ничего не знаю. – Губы женщины дрогнули, в глазах заблестели слезы. – Кристина так и не смогла себе простить, что подарила жизнь отродью дьявола.

* * *

Кристине почти удалось разрезать ножом толстую веревку, связывавшую запястья за спиной, когда люк наверху распахнулся. В подвал упала лестница, по которой спустился мужчина. От света, лившегося из отверстия в потолке, Кристина на мгновение ослепла. Она часто моргала, пытаясь рассмотреть похитителя.

Он подошел к ней ближе и, схватив рукой за подбородок,

приподнял ее голову. Губ коснулось горлышко пластиковой бутылки, и в глотку тугой струей полился поток зловонной горькой жижи.

Кристина фыркала и отплевывалась, отворачивала голову, но похититель крепко держал ее за подбородок.

– Пей, сука, – приказал он, вливая зелье в горло.

Захлебываясь, Кристина проглатывала мерзкое пойло. Она знала, что будет дальше: пройдет несколько минут, и вязкий дурман опутает ее разум, превратив в безвольную куклу из мяса, костей и кожи.

Похититель отбросил бутылку и отошел в сторону, давая возможность рассмотреть себя в желтом свете, падавшем с потолка. Кристина обомлела: она ожидала увидеть перед собой Чародея – постаревшего, но по-прежнему узнаваемого. Она хорошо помнила его коренастую фигуру и лысоватую голову с грубой физиономией.

Но перед ней стоял молодой человек лет двадцати. Он немного напоминал Чародея: лицо, словно выструганное из дерева, казалось чуть мягче, и ростом он был повыше. Неизменными остались глаза: злые, острые, угольные.

– Узнала? – ощерился парень.

Чудовищная догадка поразила Кристину, будто в голове оглушительно взорвалась бомба: перед ней стоял ее сын.

Сын Чародея.

– Я много лет ждал этого момента, – с ухмылкой произнес выродок, жадно рассматривая мать. – Хотел увидеть твою

милое личико, когда ты поймешь, кого родила.

Он подошел ближе и присел, вперившись в нее пристальным взглядом. Кристина содрогнулась, когда провалилась в бездонную пустоту его черных глаз.

– Ты все так же красива, – прошептал сын. – Мне потребовалось время, чтобы найти тебя в городе. Я выслеживал тебя. Наблюдал за тобой. И вот мы встретились снова, потому что ты всегда была в моих мыслях.

Он провел пальцем по ее щеке, и Кристина тихо заскулила. Ее била дрожь, внутренности сжимались в спазмах, ладони тряслись, вот-вот готовые выронить нож. Кристина сжала зубы – так, что скрипнуло в ушах, и глубоко вздохнула. Нужно взять себя в руки. Она больше не та напуганная школьница, жизнь которой искалечил Чародей.

Она смелая. Стойкая. И у нее есть план.

– Прости меня, – промямлила Кристина, заливаясь слезами. Она никогда не умела играть, но сейчас старалась изо всех сил, чтобы разжалобить ненавистного выродка. – Прости, что оставила тебя. Я каждый день вспоминала о тебе. Проклинала себя за то, что бросила тебя.

На мгновение ей показалось, что глаза сына посветлели, и за ними проскользнуло удивление вперемешку с растерянностью, но уже в следующий миг взор его потемнел. Презрительно фыркнув, выродок резко выпрямился.

– Не ври, сука! – процедил он. – Ты наверняка молила Бога о том, чтобы твой сын сдох. Но сдохнешь сегодня ты!

Я вернулся, чтобы завершить обряд!

Он ударил ее ногой под дых. Кристина, вскрикнув от боли, скрючилась на земле. Выродок развернулся и, вскарабкавшись по лестнице, выбрался из подвала. Лестница поднялась, крышка люка опустилась, и тьма поглотила пространство.

Кристина застонала. Зелье впитывалось в желудке, проникало в кровь, замедляя ход мыслей и обессиливая мышцы. Нужно торопиться. Она шумно выдохнула: спектакль удался. Кристина ходила по краю, но выродок – *она не могла назвать его сыном* – поверил ее истерике и не заметил нож, спрятанный за спиной. Кристина перехватила его поудобнее и, не обращая внимание на лезвие, задевавшее кожу, разрежала веревки.

Руки были свободны. Не теряя минуты, Кристина засунула в рот два пальца и, надавив на корень языка, вырвала зловонную жижу.

* * *

Рабочий день подходил к концу, когда Рубикон заявился в кабинет директора приюта в Луборге. Грузная женщина в старомодном костюме внимательно его выслушала и, устало потерев переносицу, ответила:

– Да, я его помню. У мальчика даже не было имени, когда он к нам поступил. Мы назвали его Арсеном.

– В приюте много воспитанников. Почему Арсен вам запомнился? – удивился Рубикон.

– Потому что он был очень сложным, – ответила директриса и, помолчав, добавила: – Из тех ребят, которых принято называть трудными.

– В чем это проявлялось?

Женщина помрачнела: похоже, воспоминания были не из приятных.

– Арсен был тихим мальчиком, но постепенно в его поведении появились опасные наклонности. Иногда он становился будто сам не свой: психовал, грубил, кидался на воспитателей. В такие моменты мне даже казалось, что у него глаза темнели, и лицо становилось злее. – Директриса сложила в замок руки, и Рубикон заметил, как они задрожали. – Когда ему было семь лет, воспитательница нашла его ночью в подвале. Оттуда доносились жуткие вопли. Арсен, перемазанный кровью, держал мертвую кошку: он зарезал ее ножом, украденным из столовой. К сожалению, подобные эпизоды агрессии повторялись несколько раз. Он устраивал поджоги, провоцировал драки с другими детьми. Несколько раз девочки находили Арсена в своей спальне: он прятался за шкафом и ночью наблюдал за ними. Его поведение окончательно испортилось, и от тихого мальчика, каким мы его знали, не осталось и следа.

– Вы консультировали его у психолога?

– Конечно. – Женщина тяжело вздохнула. – Но она не

смогла помочь. Психолог рассказала мне, как в редкие моменты спокойного поведения Арсен жаловался, что его поступками управляет кто-то другой. Но затем он снова становился озлобленным и отказывался от помощи.

– Арсен расспрашивал о родителях? О матери?

– Ни разу. – Директриса покачала головой.

– В его поведении было еще что-нибудь странное?

Женщина на мгновение задумалась, а затем ответила:

– Когда Арсен стал постарше, он вдруг заинтересовался магией. Ну, знаете, все эти колдовские обряды, ритуалы. – Директриса смущенно улыбнулась. – У себя под кроватью он держал коробку, в которую складывал какие-то амулеты, свечи, закопченные зеркала. Понятия не имею, где он их брал. Другие ребята рассказывали, что амулеты он выстругивал из дерева.

– Вы разрешали ему хранить эти вещи?

– Конечно же нет! – возмутилась женщина. – Мы несколько раз выкидывали коробки, проводили воспитательные беседы с Арсеном. Но он снова откуда-то притаскивал колдовское барахло. – Она побарабанила ногтями по столу и тихо добавила: – Арсен был очень трудным ребенком. По правде говоря, когда он покинул приют, мы все вздохнули с облегчением. Нельзя так говорить о наших воспитанниках – у них у всех тяжелая судьба, но я рада, что Арсена больше здесь нет.

– Где он сейчас?

– После выпуска из приюта он получил квартиру и поселился в ней вместе с другом.

– У него есть друг? – удивился Рубикон. Судя по рассказу директрисы, Арсен был типичным социопатом, а наличием друзей они не славятся.

– Да. Марк Берник. Тоже наш бывший воспитанник. Он был единственным, с кем хоть как-то общался Арсен. После выпуска Арсен уговорил Марка продать свою квартиру и поселиться вместе с ним. Воспитанники приютов часто так поступают для экономии. Насколько я слышала, Арсен и Марк не работают и живут на деньги, оставшиеся с продажи квартиры. Говорят, Арсен подсадил Марка на наркотики, но я не знаю, насколько правдивы эти слухи.

– Адрес квартиры у вас остался?

* * *

Дом, в котором жили Арсен с другом, нашелся без труда: это была старая кирпичная трехэтажка на окраине Луборга, окруженная такими же дряхлыми халупами по соседству с пустырем.

Дверь в квартиру была открыта, и Рубикон, не дождав-шись ответа на стук, прошел внутрь. Марк Берник обнару-жился спящим на грязном матрасе, валявшемся на полу сре-ди пустых бутылок водки и смятых пивных банок. Рядом в углу дрыхла размалеванная полуголая деваха, укрытая рва-

ным покрывалом.

Растолкав Марка, Рубикон объяснил, зачем приехал. Чтобы не спугнуть наркомана, он представился дядей Арсена, который недавно узнал о существовании племянника, и теперь стремился воссоединить семью.

– Только не Арсен он вовсе, – ощерил щербатый рот Марк, когда Рубикон закончил плести выдуманную на ходу историю.

– То есть?

– У Арсена в последнее время совсем крышняк поехал. – Марк убрал засаленные патлы с прыщавого лба, поднялся с матраца и, подтянув заношенные трусы на тощих бедрах, подошел к подоконнику, где стояла полупустая бутылка пива. – Он по накурке утверждал, что в его теле живет другой человек. А потом будто забывал про эти слова.

– Ничего себе! – наигранно удивился Рубикон. Он вспомнил рассказ директора приюта о странном поведении Арсена и решил, что тот наверняка страдал психическим расстройством.

– Ага, прикинь. – Марк отпил пива и громко срыгнул. – Арсен сдвинулся на черной магии. У нас вся квартира завалена колдовскими прибабасами, баб стремно водить – они как увидят на кухне сушеных крыс в банках, так от страха убегают.

Он противно захихикал – словно свинья, поперхнувшаяся помоями – и многозначительно кивнул на девицу, спавшую

в углу.

Рубикон осмотрелся: голые, с облупленной краской стены краснели от кругов и треугольников вперемешку с крестами и буквами неизвестного алфавита. Символы напоминали порезы на коже жертв Чародея, которые Рубикон видел на фотографиях в материалах дела. Он не сомневался, что узоры на стенах были нанесены кровью.

Марк, заметив заинтересованность полицейского, с довольной рожей пояснил:

– Ага, ты все правильно понял: эти каракули Арсен нарисовал. Своей же кровью, прикинь! Ну, как тебе племянничек, а?!

Он снова заржал, но Рубикон оборвал его мерзкое хрюканье:

– Что значат эти символы?

– Откуда я знаю? – Марк скривился и, почесав пах, отпил пива. – Я пару раз расспрашивал Арсена, но он только отмахивался – говорил, что это не для моих мозгов. Он называл эти знаки *сигилами*.

– Где он сейчас?

– Понятия не имею. Полгода назад Арсен взял мои бабки и свалил из Луборга. Сказал, что скоро вернется. Но до сих пор не приехал. Я звонил ему несколько раз, но номер не обслуживался: наверное, он потерял телефон.

Марк с такой наивностью рассказывал о приятеле, который уговорил его продать свою квартиру, подсадил на нарко-

ту и фактически обчистил, что Рубикон невольно задумался об умственных способностях собеседника. Полицейский был уверен, что Арсен с детства доминировал в их тандеме и цинично пользовался дружбой с более слабым Марком. Впрочем, возможно, не только дружбой.

– У Арсена были какие-нибудь интересы?

Марк задумчиво скривил морду.

– Он частенько куда-то сваливал, – ответил наркоман. – Однажды я за ним проследил. Арсен как раз недавно купил по дешевке древний «Опель» – то еще корыто! И пару раз в неделю куда-то на нем уезжал. Я умирал от любопытства. Спрятался в багажнике, Арсен меня не заметил. Оказалось, что мы приехали в заброшенную деревню.

– И что Арсен там делал?

– Чувак, ты не поверишь, что я увидел! – чуть не поперхнувшись пивом, воскликнул Марк. – Я проследил за Арсеном до одного дома. Их там куча, этих халуп, но все они заброшенные стоят. Арсен устроил в доме нечто вроде берлоги: заколотил окна досками, привез туда бензиновый генератор, провел электричество. У него там даже музыка играла! Древняя песня, которая ему всегда нравилась. Вроде ее Элвис Пресли пел, или как его там.

– «Always On My Mind».

– Точно!

Марк прыснул от смеха, судя по всему даже не удивившись, откуда «дядя» Арсена знает название песни. По ка-

кой-то непонятной причине воспоминания о явно ненормальном друге веселили Марка, и Рубикон в очередной раз засомневался в умственной полноценности собеседника. Марк прикончил пиво и с сожалением посмотрел на пустую бутылку.

– Чем он занимался в доме? – спросил Рубикон, когда наркоман закурил сигарету.

– Я особо не рассматривал, потому что боялся, что Арсен может меня застукать. В гневе он просто бешеным становился. – Марк на мгновение помрачнел, словно вспомнил что-то неприятное, но затем снова расплылся в придурковатой улыбке. – Но я все равно заглянул в дом и увидел, как Арсен орудует там лопатой. Он рыл пол, прикинь!

Все стало ясно. Рубикон понял, что теряет время: счет шел на минуты. Он приблизился к наркоману и строго спросил:

– Где именно расположена заброшенная деревня?

* * *

Мысли путались в голове. Сидя на холодном полу с зажатым за спиной ножом, Кристина не могла понять: каким образом выродок – она по-прежнему не могла (или боялась?) назвать его сыном – выяснил о ее существовании? Как он узнал о своем отце-чудовище? Почему решил пойти по его стопам? Как выследил ее? Какой обряд хотел завершить?

Размышления прервал громкий скрип люка на потолке. Лестница упала в темницу, и по ней спустился выродок. Кристина сжала за спиной нож, не сводя глаз с сына. Сверху, из распахнутого люка, доносилась песня Элвиса «Always On My Mind», но Кристина научилась не обращать на нее внимания: мелодия звучала постоянно и в какой-то момент превратилась в фоновый шум.

– Очухалась, сука? – спросил выродок, криво ухмыльнувшись. – Готовься: пора завершить одно дельце.

Он приблизился к пленнице. Лезвие длинного ножа сверкнуло в его руке, и Кристина содрогнулась: ее кожа помнила, как похожим ножом Чародей вырезал на ней дьявольские знаки – сигилы. Он изуродовал ее ноги, руки и туловище, но по какой-то причине пощадил лицо. Теперь Кристина поняла, что он просто не закончил ритуал.

– Ты помнишь нашу последнюю ночь? – тихо сказал сын, и лица Кристины коснулось жаркое дыхание с запахом трав.

Она непонимающе посмотрела на выродка.

– Помнишь, как я прошептал тебе, что мы встретимся снова, потому что ты всегда в моих мыслях? – Приблизив лицо, он впился взглядом в глаза Кристины. – Ты умоляла тебя отпустить, но я сказал, что еще рано. И *вошел* в тебя. Помнишь?

Крестину затошнило. Безумные слова сына не укладывались в голове: откуда он знал о том, что произошло в подвале в загородном доме Чародея двадцать лет назад?

– Все просто, – словно прочитав немой вопрос на ее лице, сказал выродок. – Ты думаешь, что видишь перед собой сына. *Но это не так.*

Он расплылся в зловещей улыбке. Кристина широко распахнула глаза, в ужасе ожидая его следующих слов.

– За год до того, как я похитил тебя в первый раз, у меня обнаружили рак. – Выродок чуть отстранился и задумчиво продолжил: – Врачи предлагали операцию, но я отказался: зачем продлевать на несколько месяцев существование в гниющем теле, когда можно даровать душе новую жизнь? Я увлекался магией и колдовством. И в одной книге встретил упоминание о *метемпсихозе* – переселении души из одного тела в другое. Я начал копать глубже. Нашел старинные манускрипты, принадлежавшие одному профессору оккультных наук. Я тщательно изучал тексты. Проводил эксперименты. И вскоре понял, как добиться цели: мою душу можно было переселить в ребенка, зачатого от моего семени во время особого ритуала. Первая фаза обряда завершилась смертью моего прежнего тела – *я повесился на чердаке*. Чтобы ты не сдохла раньше времени, я сообщил полицейским, где тебя найти. – Выродок указал ножом на живот Кристины и хищно улыбнулся. – Моя душа *подселилась* в нашего ребенка. И затаилась в нем. Арсен рос тихим мальчиком. Постепенно я заполучил контроль над его телом, но не до конца. Пришло время освободить мне место. Ритуал предписывает, что для его полного завершения мне потребуется чре-

во матери, выносившей мою *новую плоть* от моего семени. Теперь ты понимаешь, почему мы должны были встретиться снова? Понимаешь, почему ты всегда была в моих мыслях?

Чародей ощерился и наклонился к ней ближе, будто намереваясь поцеловать. Он думал, что Кристина по-прежнему связана. Закричав, она выдернула руку из-за спины и воткнула нож ему в грудь. Она целилась в сердце: с тихим хрустом лезвие проникло в плоть. Чародей, охнув, повалился на бок, и на мгновение Кристина увидела, как посветлели его глаза, а черты лица смягчились – словно другая душа на секунду просияла сквозь обезумевшую личину маньяка. Кристина знала, что это был ее сын, и в его отчаянном взгляде она прочитала мольбу о помощи. Но уже в следующий миг лицо парня огрубело, а глаза вспыхнули злобой.

– Сука! – прохрипел он.

Кристина вскочила на ноги и бросилась к лестнице, темневшей в полоске света. Она почти выбралась наружу: руки и колени уперлись в земляной пол маленького дома с заколоченными окнами, как вдруг холодные ладони схватили ее за щиколотки.

Кристина закричала, но ее вопль утонул в звуках гремевшей из колонок песни.

* * *

Вечерний сумрак опустился на заброшенную деревню.

Десятки одноэтажных деревянных домов, покосившихся от времени, прятались среди густых зарослей. В какой из этих халуп искать Кристину? Рубикон достал пистолет и прислушался. Ему показалось, что откуда-то издалека доносятся мелодичные звуки, но уже спустя мгновение он совершенно точно узнал знаменитую песню Элвиса.

Рубикон сорвался с места и побежал на звук. Вот и почерневший дом с заколоченными окнами и припаркованный рядом старый синий «Опель». Рубикон влетел на крыльцо и ударом плеча вынес дощатую дверь.

Его оглушили ревущая из колонок музыка – и дикий крик Кристины. Распластавшись возле отверстия в полу, она отбрыкивалась ногами от парня, который занес над ней длинный нож.

Рубикон выстрелил: пуля отбросила ублюдка к стене. Тяжело хрипя и истекая кровью из раны на груди, он изумленно тарасился на своего убийцу, словно не мог поверить, что через несколько мгновений его жизнь навсегда оборвется. Рубикон помог Кристине подняться.

– Вы как? – спросил он.

Кристина не ответила. Рыдая, она прильнула к Рубикону, и он почувствовал дрожь, сотрясавшую худенькое тело. Ее сын замутненным взором посмотрел на мать и, умирая, тихо произнес свои последние слова:

– Ты всегда в моих мыслях.